

го-либо прогресса к освещению событий середины XVII в., которые именуются штампами как дореволюционной лите-

ратуры («соляной бунт»), так и советской историографии 1930-х годов («городские восстания»).

Литература

1. Аракчеев В.А. Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2003.
2. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сб. документов / составитель К. В. Базилевич. – М.: Соцэкгиз, 1936.
3. Градобойнова Е. В. Восстание в Новгороде и Пскове в 1650 году: причины, ход событий, итоги: автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. – М., 2012.
4. Данилов А. А., Косулина Л. Г. История государства и народов России. – М.: Марис Мультимедиа, 2000.
5. Журавлева О. Н., Пашкова Т. И., Кузин Д. В. История России. 10 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. – М.: Вентана-Граф, 2013.
6. Кириллов В. В. История России: учебник. 3-е издание. – М.: ЮРАЙТ, 2010.
7. Ляпин Д. А. Народные волнения в России в середине XVII в. // Вопросы истории. – 2010. – № 4.
8. Ляпин Д. А. К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII века // Российская история. – № 4. – 2010.
9. Покровский Н. Н. Томск. 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск: Наука, 1989.
10. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 1908.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп.1. Д. 333.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп.1. Д. 606.
13. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-ое. – М.: Русский язык, 1971.

УДК 316.342:947(470.6)

П.Г. Немашкалов

ПРОЦЕСС ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ., И ПОПЫТКИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Исследование посвящено изучению проблем, повлиявших на упадок нравственного облика священнослужителей Северного Кавказа, раскрываются причины и последствия этого явления.

Ключевые слова: Северный Кавказ, история церкви, священнослужители.

P.G. Nemashkalov

PROCESS OF DESACRALIZATION OF PRIESTS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES, AND ATTEMPTS TO OVERCOME IT

The research paper is devoted to studying issues which contributed to the decline of priests' morale in the North Caucasus, as well as the causes and consequences of this phenomenon.

Key words: North Caucasus, church history, priests.

После окончания Кавказской войны на Северном Кавказе можно наблюдать тенденции к либерализации церковной жизни,

обусловленные многими факторами, в числе которых можно выделить: разнородный и полиэтнический состав духовенства, миро-

воззрение приходского духовенства и населения региона, иноверное и сектантское окружение, и как следствие, проведение миссионерской деятельности. В этот период наблюдается процесс обмирщения церковной жизни с одной стороны, и попытки ее реформирования «сверху». Обмирщение церкви особенно сильно проявлялось в десакрализации образа священника в глазах верующих и самого духовенства.

Духовенство включало выходцев из самых различных слоев населения, как правило, не высокообразованных и имеющих низкий культурный уровень. Казаки и выходцы из горских народов нередко вводили в приходскую практику многочисленные этнокультурные элементы (например, национальные и местные традиции, праздники и т. д.). Нередко слой духовенства пополнялся выходцами из других епархий, безграмотных, находящихся в той или иной степени канонического запрещения (вплоть до запрещенных в священнослужении), а также обратившимися из раскола. Принимались они в епархию из-за большого числа вакантных священнических мест, которые долгое время неким было восполнить.

Кавказское епархиальное руководство до начала 70-х гг. XIX в. вынуждено публиковало по всей империи вызовы диаконов с обещанием иерейской хиротонии и предоставления места в приходе [14, с. 155]. Каждый из таких священников привносил в церковную жизнь и литургическую практику порядки своей прежней епархии. В приходах Северной Осетии дело обстояло еще хуже, поскольку они окормлялись преимущественно грузинским духовенством, полагавшим, что священнослужение – это заработок [13, с. 25, 49].

Процессу десакрализации священства так же способствовало падение авторитета Церкви в глазах верующих, низкий уровень нравственности среди священно- и церковнослужителей, высокая степень бюрократизации Церкви, небрежное отношение некоторых священников к совершению богослужения [18]. Самовольно покидая места службы, священнослужители

не торопились возвращаться, предпочитая заниматься своими делами, подобные проступки часто строго наказывались не только приостановкой выдачи доходов от священнического места [7, с. 1–4]. Процедура рассмотрения дел благочинными затягивалась порой на целые годы, что позволяло творить произвол и самоуправство, не опасаясь наказания.

Объясняется это так же слабой богословской подготовкой священнослужителей, стремившихся получить знания по общеобразовательным, а не богословским предметам [17, с. 187], что, в свою очередь, влекло потерю призвания священников к своему служению. Подобная ситуация осложнилась разрешением священникам и дьяконам православного вероисповедания, имеющим аттестат об окончании полного курса духовных семинарий, обучать в частных домах арифметике, чтению и письму на русском, латинском и греческом языках без испытания, утвержденная Синодом 31 июля 1836 года [9, с. 2].

Возникали случаи увольнения из духовного звания в светское в поисках лучшей жизни. При этом нужно отметить, что одного собственного желания было недостаточно. Необходимым условием перехода было получение одобрения епархиального начальства, которое из-за дефицита кадров шло на различные уступки священнослужителям. Если таковое получали, то нужно было еще прошение и требование из светского учреждения, но если такого не поступало, тогда ждали месяц, и если о нем ниоткуда не поступало требование, то документы передавались в местное губернское правление для последующего их перехода на новое место работы [8].

Вопрос финансирования приходов и духовенства в епархии стоял остро даже в начале XX века. Поскольку государственное финансирование было ограниченным, то взимание приходскими священниками оплаты за все требы являлось единственным способом выживания [21, с. 1255]. Участились случаи неприязненных взаимоотношений священников между собой и с

прихожанами. Широкое распространение получили ложные доносы в среде духовенства друг на друга в поисках «лучшего местечка». Бывали случаи, когда некоторые священники одного прихода не желали делиться доходами за исправление духовных треб, разрешение подобных споров требовало вмешательство на уровне епархии [12, с. 1–2]. Изменения в воззрениях духовенства на природу церкви и священнослужения, а также политических идеалов сопровождалось распространением пьянства, случаев хулиганства и дебошей в приходе [19, с. 888]. В церковной среде обнаруживается склонность к мщению, изощренность к ябедам, что не могло не сказываться на взаимоотношениях духовенства с прихожанами.

Не добавляло авторитета священнослужителям исполнение надзорно-полицейских обязанностей [26, с. 136–137], особого рвения к которым многие из них не испытывали. Доказательством тому может служить большое количество жалоб со стороны местной администрации о затягивании следствия производимых земскими судами из-за отсутствия от духовной консистории депутатов [11].

Практически с самого начала образования Кавказской епархии ее руководители пытались преодолеть низкий культурный уровень духовенства и верующих, его подверженность прозелитизму со стороны других конфессий. Этот шаг был сделан ещё при первом ставропольском архиерее епископе Иеремии (Соловьеве) открытием Ставропольской Духовной Семинарии, готовившей кадры духовенства для епархии. Появление её положило начало идее создания духовно-просветительских учреждений для борьбы со старообрядческим расколом и сектантством, и проповеди православия среди местных народов [2, с. 53–56], в том числе мусульманского и буддистского вероисповедания.

Общее падение нравственности, бедность белого духовенства и семинаристов детерминировали распространение в их среде социалистических идей, в значительной степени влиявших на поведение как

приходского духовенства, так и, особенно, семинаристов. Ставропольские священники и семинаристы, социально близкие крестьянству и мещанству, поддерживали, в отличие от столичного духовенства, левые партии. Наибольшей популярностью пользовалась партия социалистов-революционеров [20, с. 14].

В 80-е гг. XIX в. среди семинаристов возникла и начала воплощаться идея бунтарства, имевшая социалистический подтекст [24, с. 61]. В период первой российской революции она нашла выражение в угрозах и ругани с преподавателями, административными лицами, избииении администрации, битье стекол, свистах и криках. Восстановление отчисленных, улучшение условий проживания, увольнение инспекции выполнялись только частично, и то не всегда, а бунты оканчивались отчислением зачинщиков [10, с. 3–3 об.].

Нередко семинарское бунтарство перерастало в профессиональную революционную деятельность. Наиболее известным семинаристом-революционером на Ставрополье стал принадлежавший к партии эсеров К. Добровольский, в Северной Осетии – Г. Дзасохов [27, с. 144], тяготевший к партии социал-демократов.

Образованная в 1843 г. Кавказская епархия в 1885 г. была разделена на три: Ставропольскую и Екатеринодарскую, Владикавказскую и Моздокскую, Сухумскую. Ставропольская епархия занимала особое положение в сравнении с другими регионами, поскольку на ее территории проживало большое число неправославного населения. Учитывая многоконфессиональность региона, власть испытывала потребность в усилении идеологии православной церкви и ослаблении роли мусульманства.

Тяжелые материальные условия, малочисленность церковных приходов неблагоприятным образом отражались на деятельности епархиальных учреждений, на состоянии духовного образования и миссионерской работы в целом. Этому способствовало и то, что помимо православных христиан и мусульман в регионе прожива-

ли: римо-католики, армяно-григориане, лютеране и протестанты других толков, мусульмане, буддисты-ламаисты, старообрядцы и представители различных сект. На фоне десакрализации священнослужителей возникают новые формы протеста населения региона – массовый уход в сектантство. Росту авторитета протестантских и старообрядческих сект способствует слабая миссионерская деятельность, распространение религиозно-рационалистских идей, здоровый коллективизм сектантов, что очень привлекало крепких хозяев [1, с. 33, 42–43]. Положение еще больше осложнялось тем, что старообрядцы не пытались распространять христианство среди мусульман и язычников. В среде поселенцев получили распространение секты адвентистов, жидовствующих, баптистов, молокан, хлыстов, духоборцев, белоризцев, скопцов, кроме сектантов имелись раскольники (поповцы и беспоповцы).

В 1860 г. к Ставропольской губернии были присоединены калмыки Большедербетовского улуса, исповедующие буддийскую религию. На первых шагах своей деятельности руководство епархии уделяло особое внимание христианскому просвещению иноверцев, населяющих Северный Кавказ. В частности, Андреевским братством в 1873 г. вблизи калмыцких кочевий была основана в с. Дербетовке школа. Под его попечение была взята школа в с. Большая Джалга, а для обучения калмыков были установлены стипендии [14, с. 61]. Священники приходов, близких к калмыцким кочевьям, брали к себе на воспитание калмыцких мальчиков.

Миссионерское дело имело много недочетов и промахов, которые старались исправлять личным участием настоятели епархии. Владыка Герман первым из кавказских епископов посетил в 1874 г. калмыцкие стойбища, беседовал с владельцем Больше-Дербетовского улуса нойоном Д. Гахаевым, с главным бакшей ставропольских калмыков Ивановым [14, с. 62]. «Он, – по словам архимандрита Гурия, – убеждал калмыков не чуждаться сближения с русски-

ми, не отказываться от образования детей, в свою очередь просил и русских относиться к калмыкам с лаской и любовью, истинно христианским отношением привлекая их в лоно Православной церкви» [16, с. 581].

Отсутствие в епархии надлежащего миссионерского опыта и хороших миссионеров не позволило пойти дальше первых робких шагов в отношении проповеди христианства. Случаи крещения калмыков носили лишь единичный характер и вызывались влиянием близости к русским (проживание в найме у русских, женитьба и т. п.), а не проповедью христианства миссионерами.

Проблемой являлась неприязнь местным населением соплеменников, воспринявших греко-российскую веру, поэтому еще с 1830 года на сновании Положение комитета министров оказывалась материальная помощь на необходимое первоначальное обзаведение выкрещенным иноверцам. Помимо предоставленных льгот все иноверцы, по принятии святого крещения, должны были «избирать себе род жизни о причислении их в то податное сословие, в которое они вступить пожелают» [6, с. 2]. Подытоживая неудачи православных миссионеров в регионе, еще в 1864 г. барон Н.Е. Торнау отмечал, что «ввиду несгибаемых религиозных убеждений ... несбыточно обращение мусульман по приказу правительства в христиан» [14, с. 103].

В таких условиях на помощь приходят различные религиозные общественные организации. Широкое распространение получила миссионерская деятельность в форме создания религиозно-просветительских и благотворительных братств. Причиной их появления стала попытка епархиального руководства решить проблемы не только духовного образования и миссионерской работы, но и деятельности епархиальных учреждений и материального обеспечения приходов. Впервые к решению церковных проблем привлекалось белое духовенство и миряне, представители местной элиты: руководство города и губернии, архиерей и духовенство, занимающее высшие посты в епархии, интеллигенция, купцы и буржуазия.

Образцом православных общественных организаций на Северном Кавказе стало основанное 9 июня 1860 г. «Общество восстановления христианства на Кавказе», направленное на миссионерскую работу среди автохтонного населения. В 1873 г. усилиями епископа Германа (Осецкого) было образовано Братство святого апостола Андрея Первозванного, а в 1888 г. с участием епископа Владимира (Петрова) сформировалось Братство святого равноапостольного князя Владимира. В конце 1892 г. братства были объединены в Ставропольское Андреевско-Владимирское братство, деятельность которого осуществлялась по трем основным направлениям: религиозно-просветительском, миссионерском и благотворительном [23, с. 82].

На рубеже веков произошла смена религиозного сознания духовенства региона – выпал образ императора как защитника русского православия. После начала революции 1905 года российский государь перестал упоминаться как покровитель и неперемное условие благополучия. Священнослужители упоминали как значимые силы общественного развития только Отечество, народ, духовенство и интеллигенцию, а царь воспринимался как недействительный символ [3, с. 2–4].

Рост антиклерикальных настроений вызвал стремление духовенства найти свое место в новых исторических условиях. Не оторвавшись от низших слоев населения социально, священники, к этому времени, стали образованнее и стремились создать своего рода слой новой интеллигенции, ассоциируя себя с прогрессивным слоем народа. Широкое развитие получила мысль направленная преимущественно на укрепление авторитета духовного сословия и церковно-реформаторскую деятельность. Себе духовенство в этом процессе отводило руководящие роли. Например, в VI благочинническом округе Ставропольской губернии широкое распространение получили заявления о скором объединении всех христиан в одно государство всеобщего благоденствия во главе с Иисусом Христом [5, с. 5].

Появлению подобных идей так же способствовал хилиазм, т. е. вера в тысячелетнее Царство Христа на земле (одна из фундаментальных предпосылок христианского социализма), перенесенный на церковную почву, как из левых сект протестантского толка, так и из правых старообрядческих беспоповских и неохлыстовских сект, имяславцы и близкие к ним правораскольничьи группы [22; 23, с. 325].

В это же время среди духовенства и верующих возник идеал первых христианских общин. Вся церковная история начала восприниматься как деградация христианства, а начало XX в. мыслилось как выбор между историческим коллапсом христианства и церковным возрождением в результате реформ, возвращающих Церковь в первобытное состояние применительно к современным историческим реалиям.

В сложившихся условиях епархиальное руководство с легкостью шло на уступки либерально-обновленческим требованиям священнослужителей, реагируя на требования времени. Обстановка осложнялась и тем, что миссионерская деятельность духовенства и религиозных активистов иных конфессий направлялась не друг против друга, а на православное население.

Архиепископ Агафодор должен был сделать церковную жизнь соответствующей духу времени, не нарушая канонических норм [14, с. 29]. На Съезде духовенства Ставропольской епархии, состоявшемся в мае 1906 г., было установлено равноправие священнослужителей и низшего клира в решении церковно-приходских проблем (кроме дел, касающихся непосредственно пастырского служения) и при выборах административных должностных лиц: благочинных, следователей [4, с. 137–138]. Вводились приходские советы, а также было решено привлечь мирян к заведыванию приходским хозяйством. Все же десакрализацию духовенства в глазах народа и падение авторитета Церкви не удалось остановить предпринятыми мерами в предреволюционные годы, однако эти мероприятия привели к частичному оздоровлению религиозной жизни.

Литература

1. Беликова Н. Ю. Православная церковь и государство на юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). – Краснодар: Атриум, 2004.
2. Васильев А.И. Историческая Записка о Кавказской, ныне Ставропольской семинарии. – Ставрополь, 1896.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 58. Д. 898.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 63. Д. 264.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1019.
6. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 154.
7. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 509.
8. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 560. Л. 1; Д. 355. Л.1.
9. ГАСК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 814.
10. ГАСК. Ф. 91. Оп. 2. Д. 79.
11. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д. 463; Д.674; Д. 679.
12. ГАСК. Ф.90. Оп. 1. Д. 681.
13. Гатуев А.Г., свящ. Христианство в Осетии. – Владикавказ: типолитография В.П. Просвирнина, 1901.
14. Гедеон (Докукин), митр. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.-Пятигорск: Издательский отдел Штаб-квартиры Всецерковного православного молодежного движения, 1992.
15. Гедеон (Докукин), митр. Расцвет христианства на Северном Кавказе // Родная Кубань. – 2000. – № 1.
16. Гурий, архимандрит. Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен. Калмыки. – Казань, 1915. Т. I.
17. Дейниковский Ф. Свящ. духовенство и его авторитет // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 6. – 14 февраля.
18. Журнал № 147 епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 32. – 14 августа.
19. Журнал № епархиального съезда депутатов от духовенства и церковных старост Ставропольской епархии // Ставропольские епархиальные ведомости. – 1916. – № 28. – 17 июля.
20. Забелин В. М. Политические партии на Ставрополье и Кубани в 1905 – 1907 гг. Ставрополь: Гл. упр. высш. учеб. заведений, СГСХА, 1996.
21. Иванов В., свящ. К вопросу о способах обеспечения духовенства // Ставропольские епархиальные ведомости. –1916. – № 46. – 20 ноября.
22. Иларион, (Домрачев), схим. На горах Кавказа. – Баталпашинск, 1907.
23. Лушников О. А. Деятельность Андреевско-Владимирского братства в Ставропольской губернии // Общественные организации Юга России в контексте становления гражданского общества: история, проблемы и перспективы развития: Материалы региональной научно-практической конференции 15–16 октября 2009 г. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009.
24. Павленко Т. А. Бунты ставропольских семинаристов (опыт реконструкции культурного кода протестной акции) // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 2.
25. Половинкин С. М. Имяславцы Кавказа // Восточно-христианская цивилизация и проблемы межрегионального взаимодействия. – М.: Иф РАН, 2004.
26. Резолюция съезда духовенства 4-го благочиннического округа Кубанской области в Ставропольскую духовную консисторию о проектируемой реформе. 5 июля 1916 г. // Православная Церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.): Сборник документов. Краснодар: Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив, 2001.
27. Цховребов З. П. Развитие общественно-политической и философской мысли в Осетии (вторая половина XIX – начало XX века). – М.: Наука, 1972.